

МАСЛОВА В. А.

К ПОСТРОЕНИЮ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ КОННОТАЦИИ

Язык является гибким и чутким орудием для выражения человеком самого себя. В. Гумбольдт писал: «Нет ничего внутри человека настолько глубокого, настолько тонкого и всеобъемлющего, что не переходило бы в язык и не было бы через его посредство познаваемым» [1]. В каждом языке существуют слова, обозначающие явления, связанные с сознанием, духовным миром, психикой носителя языка. В значении таких слов, кроме рациональных информативных факторов, важную роль играют коннотативные аспекты. Со времени появления термина «коннотация» прошло почти сто лет, за которые его содержание неоднократно менялось. Нет однозначного понимания явления коннотации и в современной лингвистике. Ее интерпретируют то как «стилистическое сознание» (Ш. Балли), «стилистическое значение» (Т. Г. Винокур, Ю. М. Скребнев), «эмотивное значение» (Л. А. Новиков), «прагматическое значение» (Л. А. Киселева, В. Н. Комиссаров), то как «эмоциональные наслоения» (Д. Н. Шмелев), «потенциальные признаки» (В. Г. Гак), «лексический фон» (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров) и т. д. К сегодняшнему дню известны различные теории коннотации: философская (В. Алстон), семиотическая (Р. Барт), психологическая (А. А. Леонтьев), стилистическая (Э. С. Азнаурова, К. А. Долинин), лингвистическая (Л. Блумфилд, В. Н. Телия, В. И. Говердовский, В. И. Шаховский и др.). Проблеме коннотации посвящена обширная литература (к 1984 г. только на русском языке было около 200 публикаций), которая ждет специального критического обзора и систематизации. Не вдаваясь в подробный анализ существующих концепций, примем рабочее определение коннотации, которое будет затем уточнено в ходе исследования. **К о н н о т а ц и я** — особый компонент, дополнительный смысл, сопутствующий значению языковой единицы. Именно в коннотации заложены элементы семантической динамики. Слова, отягощенные коннотациями, мы будем называть коннотативными словами, коннотативной лексикой.

Представляется, что для глубокого и всестороннего исследования явления коннотации необходим комплексный подход, требующий приложения объединенных усилий представителей разных наук, не последнее место среди которых должно быть отведено психолингвистике. Ведь реально язык существует лишь в речевой деятельности, а поэтому едва ли правомерно считать объектом изучения только языковую систему, изолированную от деятельности человека. Не случайно американский лингвист В. Ингве называет «жесточкой исторической случайностью» тот факт, что носитель языка вплоть до последнего времени ютился на задворках лингвистической теории. Отсюда необходимость и преимущества психолингвистического подхода, так как а) психолингвистические методики обращены непосредственно к носителю языка; б) они выявляют отноше-

ние носителей языка к коннотативным аспектам языкового знака, а кроме того, специально организуют семантическую рефлексию или семантическую интроспекцию; в) используемые методики способствуют раскрытию имплицитных значений, существующих реально в сознании носителей языка. Эксперимент важен еще и потому, что он позволяет проверить различные, нередко слишком умозрительные, теоретические построения, дает возможность более тонкого и глубокого наблюдения за явлениями, подлежащими изучению.

Некоторые конкретные психолингвистические методики были разработаны А. А. Брудным, А. А. Леонтьевым, А. П. Клименко, В. В. Левицким, О. Н. Селиверстовой, Э. Бендиксом, Ч. Осгудом и другими отечественными и зарубежными исследователями. Как правило, с помощью каждой из этих методик анализируется только один какой-либо аспект значения. Однако данный недостаток преодолим путем комплексных изысканий, т. е. применением различных методик в пределах психолингвистического подхода.

Ц е л ь нашей работы — попытка внести посильный вклад в построение психолингвистической модели коннотации. Полная модель, включающая в себя а) причины возникновения коннотаций, их источники; б) психологические механизмы; в) лингвистические способы воплощения коннотаций; г) структуру коннотаций, их функционирование; д) свойства; е) взаимосвязи и отношения в психике говорящего, — дело отдаленного, хотя и обозримого будущего. Данная цель конкретизируется следующими з а д а ч а м и: 1) исследование восприятия и оценки коннотативных аспектов значения реальными носителями языка; 2) изучение коннотативных слов как феномена психики говорящего индивида; 3) экстериоризация результатов осознания коннотативных аспектов значения носителями языка.

Для решения этих задач применялись самые различные экспериментальные методики, как уже известные, так и модифицированные и разработанные нами. В ходе экспериментов проходили проверку несколько гипотез, относящихся к построению психолингвистической модели коннотации. Так, в ходе ассоциативного эксперимента проверялись следующие г и п о т е з ы: 1) если коннотации не входят в план содержания языкового знака, а возникают лишь в результате отбора и употребления языковых единиц в процессе коммуникации, это находит отражение в ассоциативной структуре коннотативных слов; 2) разнообразие ассоциативных реакций в эксперименте свидетельствует об отсутствии относительно устойчивых коннотаций у слов-стимулов, а обилие тождественных ответов указывает на их наличие; 3) коннотация — это признаковый элемент значения (ср. точку зрения Дж. Милля: «соозначающее имя обозначает вещи п р я м о, а признаки — к о с в е н н о, оно означает предметы и обнимает, включает, указывает признаки, или атрибуты» [2]). Если это так, то данные признаки могут быть выявлены в эксперименте при возникновении большого числа оценочных и других реакций синтагматического типа.

Применяя ассоциативный эксперимент, мы исходили из следующих соображений. Ассоциативный эксперимент по праву считается методикой, которая может быть приложима к большому числу различных исследований, ибо ассоциативные реакции — это как бы сосредоточение сущностей, которыми испытуемые показывают, как они понимают данное слово, что за ним стоит. Известно, что слово, актуализируясь в речи, реализует «помимо своих прямых и переносных значений еще и потенциальную

энергию быть выражением или отображением побочных, ассоциативно связанных с ним образов, чувств, идей» [3]. Эта потенциальная энергия и есть, с нашей точки зрения, та основа, на которой возникает коннотация. Весь комплекс значения слова как бы пронизан ассоциативными лучами, связывающими как аспекты отдельного значения, так и аспекты значений разных слов. Каждое движение человеческой мысли включает в себя ассоциативные связи, и не случайно И. П. Павлов писал, что «ничего в разуме нет, кроме ассоциаций» [4]. Человек владеет словами с закрепленными конвенционально их значениями в первичной номинации, во вторичной же номинации появляются смысловые приращения (коннотации), привносимые ассоциативной деятельностью сознания, связывающей данный знак с различными элементами действительности. К сегодняшнему дню можно считать доказанным тезис об ассоциативной природе семантических компонентов слова [5], т. е. анализ ассоциативной структуры слов-стимулов может стать основой для описания семантики этих слов.

Однотипность ассоциативных реакций в нашем эксперименте позволяет рассматривать ассоциации «как более или менее типичные не только для определенной группы испытуемых, но и для языкового коллектива в целом» [6].

Наш ассоциативный эксперимент был организован следующим образом.

Испытуемые: 110 студентов Витебского пединститута обоего пола в возрасте от 19 до 22 лет.

Экспериментальный материал: *вода, встретить, бу-мага* (ассоциативные реакции на эти слова не подсчитывались, т. к. предлагались они для «ввода» испытуемых в эксперимент); *жаба, мышь* (взяты для большей объективности сравнения); *осел — глупец, свинья — грязнуля, кляча — лошадь, вожак — вождь, пресловутый — знаменитый, главарь — глава, шпион — разведчик, гордыня — гордость, плестись — идти, тащиться — идти, пилить — ругать, группировка — группа, донос — жалоба*.

При отборе материала принимался во внимание тот факт, что для исследования коннотативных аспектов значения наибольший интерес представляет пласт вторичной номинации, обслуживающей аксиологическую, оценочную сферы. Содержание вторичного знака всегда мотивировано, опосредовано сигнификативным содержанием переосмысляемой единицы [ср.: *осел, свинья* (о человеке)], но эта мотивированность не выражена материальной оболочкой, за исключением суффиксов субъективной оценки [7]. Из обширного пласта вторичной номинации были отобраны в основном существительные, т. к. именно они занимают центральное место в системе языка — составляют ядро лексикона, первичны в развитии речи как в филогенезе, так и в онтогенезе [8]. Из всей коннотативной лексики они (как и прилагательные), фиксируя энциклопедические знания о мире, являются наиболее частотными и употребительными в языке. Глаголы же — «самая емкая и сложная категория языка» (В. В. Виноградов) — могут быть предметом исследования, как нам кажется, только при наличии большого набора сведений о коннотативной системе языка. Коннотативные аспекты в словах, принадлежащих к другим частям речи, за исключением наречий, — явление довольно редкое.

Процедура эксперимента: группе испытуемых предлагалось записать на листе порядковые номера от 1 до 31, соответствующие будущим ответам. Затем экспериментатор вслух, с промежутками в

5 секунд, зачитывал слова, на которые испытуемые отвечали письменно первым пришедшим в голову словом.

Результаты ассоциативного эксперимента и их обсуждение. Результаты можно представить в виде следующей таблицы:

№№ п/п	Коннотатив- ное слово	Кол-во вариан- тов ассо- циац.	Всего отве- тов	Из них атрибу- тивных реакц.	Слово	Кол-во вариан- тов ассо- циац.	Всего отве- тов	Из них атрибу- тивных реакц.
1.	<i>вожак</i>	28	110	12	<i>вождь</i>	26	110	11
2.	<i>главарь</i>	34	110	13	<i>глава</i>	25	110	7
3.	<i>гордыня</i>	42	110	101	<i>гордость</i>	39	110	31
4.	<i>группировка</i>	49	110	64	<i>группа</i>	41	110	43
5.	<i>донос</i>	63	110	81	<i>жалоба</i>	61	110	60
6.	<i>кляча</i>	27	110	73	<i>лошадь</i>	43	110	94
7.	<i>осел</i>	28	110	76	<i>глупец</i>	42	110	34
8.	<i>пилить</i>	56	110	19	<i>ругать</i>	50	110	17
9.	<i>плестись</i>	32	110	44	<i>идти</i>	31	110	35
10.	<i>пресловутый</i>	30	110	41	<i>знаменитый</i>	21	110	20
11.	<i>свинья</i>	28	110	94	<i>грязнуля</i>	40	110	31
12.	<i>тащиться</i>	38	110	46	<i>идти</i>	31	110	35
13.	<i>шпион</i>	42	110	70	<i>разведчик</i>	31	110	42
14.	—	—	—	—	<i>жаба</i>	26	110	98
15.	—	—	—	—	<i>мышь</i>	21	110	86

Примечание. Всего по каждому слову получено 110 ответов.

Как известно, ассоциативный эксперимент позволяет выявить характер доминирующей информации у данного языкового знака, позволяет извлечь из «мутной семантической среды индивидуальных представлений» [9] те ассоциации, на основе которых возникают коннотативные приращения. Поскольку для проверки гипотезы № 3 нас интересовали именно атрибутивные реакции, они выделены в таблице в особую графу. Слова, предлагаемые испытуемым в эксперименте, в большинстве своем многозначны либо имеют омонимы в системе русского языка; поэтому ассоциаты могут оказаться членами различных парадигматических рядов. Чтобы этого не произошло, т. е. чтобы часть возможных ассоциаций не ожила в субъективном опыте испытуемых, нежелательные ассоциации погашались контекстом или ситуацией. Например, при стимуле ПИЛИТЬ задавалась ситуация «ругать», при стимуле ГЛАВА, чтобы нейтрализовать ассоциации типа *книги, повести, большая* и т. п., был задан контекст «глава семьи».

Анализ экспериментальных данных позволяет в рабочем порядке заключить следующее. Объем ассоциативной структуры, т. е. количество вариантов ассоциаций на коннотативные слова-стимулы, превышает количество ассоциаций на соответствующие им неконнотативные: на стимул ГЛАВАРЬ было дано 34 варианта ответов, а на ГЛАВА лишь 25; на ШПИОН — 42, а на РАЗВЕДЧИК — 31 вариант и т. д. (см. приводимую выше табл.). Исключением здесь явились три стимула — ОСЕЛ, СВИНЬЯ, КЛЯЧА. Рассмотрим подробнее их ассоциативные структуры: СВИНЬЯ — *грязная* (38 ответов), *неопрятная* (16), *неаккуратная* (6), *жирная* (5) и т. д. Как показывают экспериментальные данные, слово-стимул СВИНЬЯ воспринималось испытуемыми в первичном значении, следовательно, с нашей точки зрения, не являлось коннотативным.

ОСЕЛ — *глупый* (32 ответа), *упрямый* (21), *тупой* (15) и т. п. Ассоциативная структура стимула ОСЕЛ уменьшилась за счет обилия тождественных ответов атрибутивно-оценочного характера, что свойственно коннотативной лексике. Слово-стимул КЛЯЧА, несмотря на аналогичную картину в ассоциативной структуре, стоит особняком, ибо это слово, являясь первичным наименованием, несет в себе информацию не только о предмете (объекте), но и об устойчивых, социально типичных для носителей языка оценках-отношениях к этому объекту (= плохая лошадь). Количество атрибутивных реакций на КЛЯЧА [*старая* (30 ответов), *дохлая* (10), *худая* (9), *плохая* (4) и т. д.], вероятнее всего, объясняется тем, что у слова *кляча*, по сравнению со словом *лошадь*, уже объем и, соответственно, шире содержание, т. е. в его значении нашло отражение больше признаков денотата, что и отразилось в ассоциативной структуре. По частотности ассоциативных реакций мы можем установить, какой признак идентифицированного слова оказался наиболее актуальным, причем если более 20 % испытуемых обнаруживают какую-то реакцию, то ее можно считать релевантной для языковой компетенции данного языкового коллектива.

Велика роль ассоциативных механизмов в формировании и функционировании коннотаций, ибо коннотация формируется на основе постоянных ассоциативных связей у носителей данного языка. Тем самым коннотация не указывает на мир, а как бы отсылает к ассоциации, создавая «невидимый» мир, но сама она не есть ассоциация. Таким образом, представляется уместным использовать данные ассоциативного эксперимента при исследовании явления коннотации. Как известно, всякая методика ценна не сама по себе, а как способ проверки гипотез, сформированных на основе общетеоретических представлений. Ассоциативная методика как раз и позволяет проверить выдвинутые в работе гипотезы, а также заглянуть в глубинную организацию языковой способности человека.

Для большей объективности выводов в эксперименте были представлены слова, которые гипотетически могли бы быть коннотативными, но в русском языке таковыми не являются, — *жаба* и *мышь*. Реакции оценочного характера в ассоциативной структуре этих слов являются преобладающими: на стимул ЖАБА их 65 из 110 (*противная, страшная, скользкая, гадкая, отвратительная, серая, мерзкая, уродливая, бугристая, бородавчатая, грязная* и т. п.), а на стимул МЫШЬ 78 реакций из 110. Следовательно, внешне ассоциативные структуры у коннотативных слов и у слов типа *жаба*, *мышь* сходны, что объясняется следующим: отдельные слова русского языка имеют экстралингвистические (энциклопедические) пресуппозиции, обусловленные реальными свойствами референта. Коннотации же закрепляются, как правило, за денотатом, т. е. за классом сущностей, а не за референтом. Богатство и разнообразие индивидуального опыта носителя языка является фоном, базой, на которой возникают новые коннотации и более тонко, дифференцированно осознаются уже зафиксированные в языке. Но для возникновения коннотаций необходим также достаточно высокий уровень лингвистической компетенции, языкового чутья, ибо коннотации — не только элемент знания мира, но и элемент знания языка.

Коннотации характеризуют слова по оценочному, эмоциональному и стилистическому параметрам и отображают знания о свойствах. Именно поэтому наличие большого ассоциативного спектра атрибутивного характера образует объективную основу для их возникновения. Атрибутивные ассоциации — механизм, который актуализирует коннотации, делает

их реальными для коммуниканта. Коннотации фокусируют в своей глубинной сущности те ассоциации, которые отражают знания языка говорящим, их прагматическую интенцию, но сами коннотации не есть ассоциации. Это, скорее всего, эпидигматический компонент, имеющий непосредственное отношение к внутренней форме языкового знака. Таким образом, коннотации основываются на мире ассоциаций, вызываемых семантикой слова, его внутренней формой, и обусловлены восприятием, которое может быть исследовано с помощью несложной методики ассоциативного эксперимента.

Коннотации исследовались нами также с помощью психометрической методики признакового шкалирования [10—12]. В основе ее лежит разработанный Ч. Осгудом метод семантического дифференциала [13], который квалифицировался им как модификация ассоциативного метода. Основываясь на тезаурусе Роже, Ч. Осгуд и его ученики выбрали 289 антонимических пар, и в этот экспериментальный континуум помещались исследуемые слова. В связи с техническими трудностями, возникшими при обработке экспериментального материала, количество шкал уменьшили до 76, а затем свели к универсальному¹ трехмерному (декартову) пространству с тремя шкалами: «активный — пассивный», «слабый — сильный», «плохой — хороший».

Г и п о т е з а. Для доказательства языковой реальности коннотаций необходимо показать, что коннотативные слова по-иному воспринимаются носителями языка, чем слова неконнотативные, а следовательно, показатели на шкалах у них должны быть разными: у коннотативных слов — ближе к полюсам (+3 или —3), а у слов неконнотативных ближе к «нулю». Для проверки данной гипотезы к трехмерному универсальному пространству Ч. Осгуда было подключено еще девять шкал, названия которых составлены из лексикографических помет, объединенных в антонимические пары, ибо именно пометы являются наиболее четким и экономичным способом фиксации эмоционально-экспрессивных и стилистических коннотаций, хотя номенклатура существующих в современной лексикографии помет далека от совершенства [14]. Были составлены следующие шкалы: 1) бранное — нейтральное; 2) возвышенное — разговорное; 3) вульгарное — поэтическое; 4) ироническое — торжественное; 5) неодобрительное — одобрительное; 6) официальное — фамильярное; 7) пренебрежительное — уважительное; 8) просторечное — публицистическое; 9) серьезное — шутовское. Испытуемые должны были по 12 семибалльным шкалам указать точки, которые соответствовали бы оценкам следующих слов (уже доказано, что проходя через сознание человека, его опыт, все слова неизбежно оцениваются человеком): *базар* (о всяком шумном месте), *долговязый* (о человеке), *зализанный* (о волосах), *трюк* (о ловкой проделке) и т. п. Для большей объективности выводов испытуемым предлагались не только коннотативные, но и соответствующие им неконнотативные слова: *высокий* (соотносительное с *долговязый*), *делать* (соотносительное с *творить*) и др. Все ответы испытуемых (50 на каждое слово) суммировались и усреднялись.

Результаты можно представить в виде следующей таблицы:

¹ Ч. Осгуд и другие исследователи показали универсальность этих шкал не только для представителей различных языковых культур, но и для испытуемых с разным уровнем умственного развития, для детей разного возраста, для испытуемых с психопатологией.

Шкалы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Слова												
<i>базар</i>	-2,2	-1,6	-1,1	-1,8	-1	-1,5	-1,8	-1,9	-1,3	+1,1	-1,5	+1,5
<i>грядут</i>	+1,8	+2,6	+2,6	+2,2	+2,7	+1,8	+1,8	+1,5	+1,6	-0,8	+1,4	+1,3
<i>наступают</i>	+0,4	-0,8	+0,6	+0,01	+0,06	+0,4	+0,6	+0,06	+0,1	+2,2	+0,4	+0,6
<i>долговязый</i>	-1	-2,2	-1,7	-1,5	-2,8	-1,6	-1,8	-1,8	-0,8	0,4	-1,4	-1,2
<i>заблагорассудиться</i>	+1,3	+1	+1	+1	+2,6	-1,7	-0,9	+1,9	+1	-0,5	+1,7	+0,9
<i>захочется</i>	-0,6	-0,3	-0,4	-0,6	-0,6	-0,6	-0,4	-0,8	+0,8	+1,5	-0,3	-0,3
<i>зализанный</i>	+1	-2,1	-1,5	-1,6	-2,8	-1,5	-2	+1,6	+1,2	-0,3	-1,6	-0,9
<i>махровый</i>	+0,9	+0,9	+0,04	-0,3	-2,7	+0,3	-0,4	-0,08	+0,8	+0,9	+0,24	+0,8
<i>мнить</i>	+0,5	+0,7	+0,8	-0,7	+2,8	-0,6	-0,7	-0,8	+0,7	-0,6	-0,4	-0,3
<i>нытье</i>	-0,8	-2,2	-1,7	-1,9	-1,8	-1,9	-2,4	-2,1	-0,8	-0,6	-2,2	-0,7
<i>облагодетельствовать</i>	+1,3	+2,3	+1,7	+1,3	+1	+0,5	+0,6	+1,2	+1,1	-0,2	+0,8	+0,8
<i>обожесть</i>	+0,4	-0,4	-0,02	-0,5	+0,02	-0,7	-0,7	-0,8	-0,2	+0,5	+0,4	+0,6
<i>оголтелый</i>	-0,5	-1,8	-1,4	-0,9	-0,4	-1,6	-1,9	-0,8	-0,3	+0,5	-1,5	+0,2
<i>пресловутый</i>	+0,7	+1,8	+1,1	+1,2	+1,6	+1	+0,6	+1,1	-0,8	+1	+0,9	+1
<i>известный</i>	-0,2	-0,7	+0,2	-0,3	+0,2	+0,4	-0,06	-0,06	+0,2	+2,3	+0,01	+0,25
<i>процветать</i>	+1,8	+1,5	+1,7	+0,9	-0,9	+1	+1	+1	-0,8	+1,6	+1,5	+1,4
<i>рафинированный</i>	+0,9	+0,2	+0,3	-0,9	-0,2	+0,7	+0,4	+0,6	+0,8	-0,04	+0,32	-0,24
<i>талмуд</i>	-0,8	-1,5	-0,8	+1,6	+2,4	-0,8	-1	-1,2	-1,1	-0,8	-0,8	+0,6
<i>легкое чтение</i>	+0,01	-0,6	0	-0,1	+0,2	-0,6	-0,3	-0,4	-0,6	0	-0,5	+0,2
<i>творить</i>	+1,3	+1,4	+1,9	+2,1	+2,6	+0,9	+1,2	+1,7	+1	+1,7	+1,8	+1,8
<i>делать</i>	0	+0,4	0	-0,1	+0,2	+0,2	+0,3	+0,1	+1,2	+2,3	+0,3	+0,2
<i>трюк</i>	+1,3	+2	+0,7	+0,3	+2,3	+0,5	-2,3	+1,1	+0,8	+1,2	+1,6	+1,3
<i>уколобы</i>	-2,2	-1,7	-1	-1,1	-2,6	-1,2	-1,1	-1,2	-2,4	+0,2	-1,2	-1,2
<i>цыганщина</i>	-1,1	-1,9	-1,7	-1,2	-2,4	-1,2	-1,5	-1,6	+0,9	+0,2	-1,2	+1,4

Номера первых девяти шкал в таблице соответствуют приведенному выше перечню, шкала № 10 — «активный — пассивный», № 11 — «плохой — хороший», № 12 — «слабый — сильный».

Известно, что существует множество процедур для обработки многомерных массивов данных: кластерный анализ, различные варианты факторного анализа и т. д. Как справедливо утверждает Б. М. Величковский, главная проблема здесь «состоит не в отсутствии средств формальной обработки, а в их избыточности и трудностях последующей интерпретации результатов» [15]. Наша обработка данных — один из возможных ее способов. Рассмотрим на примере слов *наступают* — *грядут* результаты эксперимента. По шкале «бранное — нейтральное» эти слова имеют следующие показатели: $-0,4$ (*наступают*) и $+1,8$ (*грядут*); по шкале «возвышенное — разговорное» — $-0,8$ (*наступают*) и $+2,6$ (*грядут*); по шкале «вульгарное — поэтическое» — $+0,6$ (*наступают*) и $+2,6$ (*грядут*); по шкале «ироническое — торжественное» — $+0,01$ (*наступают*) и $+2,2$ (*грядут*); по шкале «неодобрительное — одобрительное» — $+0,06$ (*наступают*) и $+2,7$ (*грядут*); по шкале «официальное — фамильярное» — $+0,4$ (*наступают*) и $+1,8$ (*грядут*); по шкале «пренебрежительное — уважительное» — $+0,6$ (*наступают*) и $+1,8$ (*грядут*); по шкале «просторечное — публицистическое» — $-0,06$ (*наступают*) и $+1,5$ (*грядут*); по шкале «серьезное — шутовское» — $+0,1$ (*наступают*) и $+1,6$ (*грядут*); по шкале «активный — пассивный» — $+2,2$ (*наступают*) и $-0,8$ (*грядут*); по шкале «плохой — хороший» — $+0,4$ (*наступают*) и $+1,4$ (*грядут*); по шкале «слабый — сильный» — $+0,56$ (*наступают*) и $+1,3$ (*грядут*). Анализ данных, содержащихся в таблице, позволяет заключить:

1) Коннотация — это языковая реальность, она осознается всеми носителями языка, а коннотативная лексика квалифицируется ими как отличная от соответствующей неконнотативной: у обычных слов типа *наступают*, *захочется*, *делать* и др. показатели по всем шкалам близки к «нулю», а соответствующие им коннотативные слова оцениваются испытуемыми от ± 1 до ± 3 . Исключение составляют лишь показатели по универсальной шкале Ч. Осгуда «активный — пассивный», которые «не работают» на нашу гипотезу. Возможно, что данная шкала не может быть предназначена для оценки коннотативной лексики. Не поддаются однозначной интерпретации ответы испытуемых на слова *махровый*, *рафинированный*, оценки которых по ряду шкал также близки к «нулю».

2) Методика Ч. Осгуда позволяет констатировать: наиболее существенными психологическими компонентами значения являются компоненты общей эмоционально-оценочной реакции субъекта на значащий стимул [16]. Следовательно, данная методика рассчитана не на анализ различения значений, а на дифференциацию реакций носителей языка на эти значения. Отсюда ограниченность данного метода, неспособность его объяснить психологическую природу некоторых аспектов значения. Учитывая этот и другие недостатки (например, необратимость шкал, невозможность определить слово по данным эксперимента), мы использовали методику Ч. Осгуда во взаимодействии с другими методами анализа семантики как дополнительную характеристику коннотаций.

К одной из эффективных методик исследования коннотативного аспекта значения можно причислить методику Э. Бендикса. Испытуемые: 50 студентов Витебского пединститута (обоих полов) в возрасте от 18 до 22 лет. Экспериментальный материал: 80 словарных единиц, 40 из которых было с коннотативными значениями, а 40, им соответствующим

щих, — неконнотативные. Были построены экспериментальные конструкции, в которых исследуемое слово (коннотативное) противопоставлялось другому в пределах одной и той же фразы: *Он не разведчик, а шпион, потому что...* *Это не лошадь, а кляча, потому что...* Испытуемым предлагалось дополнить текстовую конструкцию, эксплицировав признак, по которому, с их точки зрения, противопоставляются слова. Например, *Это не группа, а группировка, потому что* а) *связана с негативными интересами* (10 ответов); б) *занимаются чем-то нехорошим* (9 ответов); в) *их мало, они не правы* (7 ответов); г) *они не образуют коллектива, это лишь сборище* (3 ответа) и т. д. Обобщив ответы информантов, мы получили признаки коннотативного слова, отличающие его, по мнению испытуемых, от обычного слова. Так выглядит таблица, составленная с учетом трех доминирующих вариантов ответов на коннотативные слова (см. с. 117).

Приступая к эксперименту, мы рассчитывали, что с его помощью удастся выявить подлинную психологическую реальность восприятия коннотативных слов русского языка его конкретными носителями. При этом предполагалось, что результаты эксперимента вовсе не обязательно должны совпадать с данными существующих толковых словарей. Анализ восприятия коннотативных слов испытуемыми и сопоставление дефиниций этих же слов в словарях позволили предположить следующее.

1) Коннотативные слова русского языка его носители воспринимают по-иному, чем это нашло отражение в толковых словарях. Так, *заблагорассудиться* — это «показаться правильным, нужным, желанным» [17]; помет данное слово, как свидетельствует словарь, не имеет. Испытуемые же выделили следующие дифференциальные признаки: «упрямство и самонадеянность, граничащие с самодурством»; «действовать по прихоти»; «обдумать заранее». Вероятно, в реальном функционировании языка данное слово приобретает негативную коннотацию. Следовательно, коннотация хотя и осознается носителями языка, но является имплицитной, а потому не находит отражения в существующих словарях. Эта мысль имеет принципиальный характер, т. к. без понятия «имплицитность» строить теорию коннотации бессмысленно. В противном случае коннотация — это просто оттенок значения (подобная теория не включит в себя индивидуальные динамические коннотации, которые возникают в конкретном общении и являются имплицитными). Доказательством имплицитности коннотации является тот факт, что они довольно редко участвуют в тождествах и различиях, лишь «при определенных условиях актуализации выполняют дистинктивные функции» [18]. Именно такие условия были созданы в нашем эксперименте. Итак, опрос испытуемых по методике Э. Бендикса позволял выявить имплицитность, потенциальность, дополнительность коннотативного аспекта значения.

2) Следует отметить, что данные, полученные в результате различных методик, удачно дополняют друг друга, что делает выводы более убедительными. Например, на стимул *ВОЖАК* в ассоциативном эксперименте были получены ответы: *дикой стаи, племени; плохой* и т. п., что коррелирует с ответами по Э. Бендиксу: «В нем есть что-то дикое» и т. д. Подобное явление можно отметить при исследовании стимулов *ГРУППИРОВКА*, *КЛЯЧА*, *ОСЕЛ*, *ПИЛИТЬ*, *ПЛЕСТИСЬ*, *ПРЕСЛОВУТЫЙ*, *ТАЩИТЬСЯ*, *СВИНЬЯ*, *ШПИОН* и др., что дает основание судить о надежности полученных результатов.

Эффективным для исследования коннотации представляется и метод лингвистического интервьюирования (непосредственное обращение с вопросами к испытуемым). Исследование проводилось нами в две серии.

Слово	Три доминирующих варианта ответов
<i>Базар (а не собрание)</i>	шум и крик; масса народа с разными интересами; отсутствие порядка
<i>Вожак (а не вождь)</i>	ведет вперед стихийно, инстинктивно; руководит чем-то плохим; в нем есть что-то дикое
<i>Главарь (а не глава)</i>	состоит во главе банды, шайки; держит власть силой, грубостью, страхом; цели, которые он преследует, антигуманны
<i>Гордыня (а не гордость)</i>	тупая, упрямая, излишняя гордость; бессмысленная, ни с чем не считающаяся гордость; проявляется в мелочах, основана на самолюбии
<i>Группировка (а не группа)</i>	связана с негативными интересами; их мало, они несправы; приносят вред
<i>Грядут перемены (а не наступают)</i>	важные; неизбежные; хорошие перемены
<i>Долговязый (а не высокий)</i>	высокий и худой; нескладный; непропорциональный
<i>Донос (а не заявление, жалоба)</i>	сделано исподтишка с целью повредить кому-либо; клевета; выдача чужой тайны для своего блага
<i>Заблаговорассудится (а не захочется)</i>	упрямство и самонадеянность, граничащие с самодурством; действовать, принимая во внимание прихоть; обдумать заранее
<i>Зализанные (а не причесанные волосы)</i>	грязные; гладкие и блестящие; мокрые
<i>Кляча (а не лошадь)</i>	очень худая; старая; слабая, не может быстро бежать
<i>Мнить (а не думать, считать)</i>	высокомерие; не прислушивается к мнению другого человека; мыслит не широко, мелочно
<i>Облагодетельствовать (а не помочь)</i>	помочь чему-то хорошему, доброму; помочь в безвыходной ситуации; оказать нужную услугу
<i>Оготелы (а не несдержанный)</i>	фанатик; поступает во вред другим; совершает преступление
<i>Обожатель (а не влюбленный)</i>	боготворить предмет любви; создавать себе кумира, идеал; назойливый
<i>Осел (а не глупец)</i>	глупый, упрямый человек; не имеет «ни ума, ни фантазии»; все поничает с трудом
<i>Пилить (а не ругать)</i>	слишком нудно ругать; долго ругать; ругать постоянно визгливым голосом
<i>Питье (а не вода)</i>	годно для употребления; хорошо утоляет жажду; приятно на вкус
<i>Плестись (а не идти)</i>	идти медленно, еле передвигая ноги; заплетается нога за ногу; очень устал
<i>Пресловутый (а не известный)</i>	известный чем-то нехорошим; излишне известен; отсутствие уважения
<i>Процветать (а не жить)</i>	преуспевать во всем; помогает везение; богатеет материально и духовно
<i>Рафинированный (а не утонченный)</i>	особенный; воспитанный; слишком аристократичный
<i>Свинья (а не грязнуля)</i>	всегда грязный; даже не пытается быть чистым; даже руки не моет
<i>Талмуд (а не трудное чтение)</i>	скупное до тошноты чтение; утомляющее чтение; сплошная неразбериха
<i>Тащить (а не идти)</i>	медленно двигаться, еле передвигая ноги; двигаться по инерции, таща ноги; усталость или беда мешают идти быстро
<i>Творить (а не делать)</i>	делать что-то хорошее; мастер своего дела производит; работает с любовью и душой
<i>Трюк (а не ловкая проделка)</i>	выполненный мастерски; связанный с риском; мошеннический поступок
<i>Узкокобий (а не глупый)</i>	глупый; тугодум; внешне непривлекательный
<i>Шпион (а не разведчик)</i>	приносит вред нашей стране; самыми низкими путями добывает информацию; работает на хозяина, а не служит народу

В первой испытуемым предлагалось ответить письменно на вопросы: «Вы назвали бы человека бараном (боровом, бревном, вороной и т. п.), если бы...». Во второй серии на основе выделенных здесь диспозиционных признаков были составлены вопросы: «Названием какого животного (предмета) Вы бы воспользовались для обозначения человека, который а) упрямо-глуп, б) хитер, в) жесток и т. д.» И с п ы т у е м ы е: 50 студентов пединститута (обоих полов) в возрасте от 17 до 20 лет. Э к с п е р и м е н т а л ь н ы й м а т е р и а л: три группы единиц вторичной номинации, которые могут быть употреблены для характеристики человека: 1) названия животных: *баран, боров, ворона, жеребец, шаяк, лиса, медведь, осел, слизняк, тигр* и др.; 2) названия предметов: *барахло, бревно, валенок, дуб, тряпка, тюфяк, шляпа, ягодка* и др.; 3) языковые знаки с доминирующей оценочностью, экспрессивностью, которая, употребляясь для характеристики человека, подавляет предметно-логическое значение: *артист, архаровец, атаман, безголовый, вздыхатель, вояка, главварь, звонарь, нытик, царек, проходимец, рыдалец* и др.

Полученные ответы обобщались по содержанию и подвергались частотному ранжированию. Ср.: *аристократ: высокомерный* (10 ответов), *с изысканными манерами* (8), *привыкший к комфорту* (8), *с претензией на благородство* (3) и под. Его словарное значение: «Тот, кто принадлежит к высшему сословию, привилегированному слою господствующего класса» [15, с. 44]. В сознании носителей языка это и другие слова типа *артист, атаман, звонарь, звезда* окружены ироническим ореолом, который не фиксируется современными словарями, что еще раз доказывает имплицитность коннотативных аспектов значения.

По результатам I и II серий эксперимента можно выделить диспозиционные признаки, которые приписываются испытуемыми данным языковым единицам: **ВОРОНА** — *рассеянный, забывчивый человек* (11 ответов); *невнимательный* (9 ответов); *болтливый* (9), *любопытный* (6) и т. д. **ЖЕРЕБЕЦ** — *физически здоровый* (9); *подвижный* (7); *громко смеется* (6); *безразличный* (6); *жизнерадостный* (2) и т. п. **ЯЗВА** — *надоедливый* (10), *назойливый* (9); *вредный* (9); *злой* (4); *взедливый* (3); *раздражающий* (3); *язвительный* (3) и др. Следовательно, метод лингвистического интервьюирования позволяет вскрыть такие особенности значения, для исследования которых традиционные методы лингвистического анализа (например, компонентного) оказываются недостаточными.

В ы в о д ы.

1) То или иное употребление слова в конкретном коннотационном значении вызвано сложнейшим спектром ассоциаций, идущих от исходного слова в первичном значении и накладывающихся на знак вторичной номинации. Например, *слизняк* (о человеке): здесь природные свойства моллюска (отсутствие позвоночника и определенной формы) ассоциируются с «безволием», «беспомощностью», «нерешительностью», «бесхарактерностью», а такие свойства, как покров слизи на нем, вызывают ассоциации «скользящий», «слонята», «никчемный» и др. Довольно сложные ассоциации возникают и при употреблении слов *барахло, ягодка, тюфяк* (о людях). Вероятно, механизм возникновения коннотаций таков: из тезауруса извлекается слово с яркой внутренней формой, способной породить тождественные ассоциации у носителей языка, затем во вторичной номинации его образный потенциал увеличивается за счет наложения еще одного ассоциативного образа. Например, *бревно* (о человеке) — это не просто «глупо-бесчувственный», а в этом своем качестве «подобный бревну». Среди составляющих этого механизма переплетены и собственно лингвисти-

ческие факторы (внутренняя форма), и экстралингвистические, и психофизиологические особенности носителя конкретного языка. Видимо, не только потребности в общении, но эмотивные причины стимулируют появление коннотаций в языке.

2) Коннотации, возникающие на ассоциативной основе, могут вступать в синонимические отношения. Например, *осел, дуб, пень, бревно, валенок* (о человеке) имплицитно подразумевают глупость, но мотивировки, как свидетельствуют экспериментальные данные, у них разные: *дуб, пень* — глупость, мотивированная тупостью, неспособностью размышлять и понимать доводы собеседника; *бревно* — бесчувственностью; *осел* — упрямством; *валенок* — тупостью, общей необразованностью, невоспитанностью. Такие коннотации специфичны для каждого языка и обусловлены особенностями ассоциаций национального мышления, национальной «установкой», которая формируется в сознании в зависимости от перцепции (восприятия) и апперцепции.

Общие выводы.

1) Коннотативная лексика — это целый пласт номинативного инвентаря языка, сравнительно недавно открытый [18, 19] и еще недостаточно изученный. Область коннотативных значений концептуальна, психична, специфична для каждого языка и даже отдельных его носителей, а потому привлечение испытуемых для исследования коннотаций не просто правомерно, но и необходимо.

2) Полученные экспериментальные данные свидетельствуют о принципиальной возможности построения вероятностной коннотативной модели на базе психолингвистического эксперимента. Эта модель должна быть соотнесена с областью так называемой «семантики восприятия», т. к. коннотация — связующее звено между языковым знаком и структурой языкового сознания говорящего и слушающего. Правда, языковое сознание не исчерпывается ассоциативными рядами, ибо включает в себя также устойчивую систему социально типичных значений, систему образов и обобщенных представлений, свойственных носителям данного языка, связи и отношения объективного мира, отраженные в языковых категориях, и т. д. Тем не менее ассоциации — это один из основных механизмов восприятия и понимания языка. Именно поэтому исследование коннотаций поможет подойти к выяснению механизмов производства и восприятия слова в тексте.

3) Коннотации, присущие знакам косвенной номинации, есть скрытый, имплицитный компонент значения, однако он осознается носителями языка. Коннотации не существуют отдельно от значения и вводятся одновременно с ним в речевую последовательность. Коннотации как бы соединяют сведения о мире и сведения об отношении субъекта речи к обозначаемому, что является поводом для эмотивного восприятия обозначаемого. Более того, коннотации связывают объективное и субъективное в семантике. Именно коннотативные признаки лежат в основе переосмысления слов, но они не исчезают и потом, сопровождая переосмысленное слово, «работая» на него, создавая другие языковые явления. Как справедливо утверждает В. Н. Телия, «специфика связного значения создается в конечном счете встречей регулярных смыслов и сугубо индивидуальных коннотаций слов» [19].

4) Коннотации — это ассоциируемый со словом признак, основанный на внутренней форме, принадлежащий «картине мира» и присущий носителям данного языка, данной культуры. Слова, отягощенные коннотациями, несут не только предметно-понятийное содержание, но и закрепляют

отношение носителя языка к объекту речи, что и создает в языке определенную экзотику. Следовательно, коннотации не есть просто суждение о мире, а суждение об отношении к миру.

5) Проведенное исследование подтвердило отчасти уже известный факт, что коннотации — это как бы промежуточное звено между употреблением и значением языковой единицы, т. к. экспериментально доказаны различные уровни осознания коннотативного значения носителями языка.

6) Психолингвистический анализ коннотаций не противостоит другим методам исследования данного явления, а в ряде случаев эффективно дополняет их, способствуя построению общей теории коннотации, которая должна вытекать из анализа речевого акта, учитывающего и пресуппозиции, и внеречевые аспекты коммуникации: ситуацию, личностные свойства коммуникантов, место, где происходит коммуникация, и другие условия, гарантирующие эффективность речевого акта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. Избр. тр. по языкознанию. М., 1984. С. 57.
2. Милль Дж. Ст. Система логики силлогической и индуктивной. 2-е изд. Кн. I. М., 1914. С. 27.
3. Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 62—63.
4. Павлов И. П. Физиология высшей нервной деятельности. // Павлов И. П. Избр. тр. М., 1950. С. 458.
5. Deese J. On the structure of associative meaning // Psychological review. 1962. V. 69.
6. Леонтьев А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977. С. 7.
7. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики языковых сущностей и ее роль в формировании смысла предложения // Всесоюзная научная конференция «Коммуникативные единицы языка»: Тез. докл. М., 1984. С. 121.
8. Залевская А. А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин, 1981. С. 37—38.
9. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 149.
10. Keller E. Introduction aux systèmes psycholinguistiques. Quebec, 1955. P. 259.
11. Журавлев А. П. Аспекты значения слова и их восприятие // Восприятие языкового значения. Калининград, 1980.
12. Петренко В. Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в бытовом сознании. М., 1983.
13. Osgood Ch., Suci Y. I., Tannenbaum P. H. The Measurement of meaning. N. Y., 1957.
14. Мартинек В. Ю., Розенберг Е. Г. Эмоционально-экспрессивные значения и их лексикографическая интерпретация // Семантика слова и предложения. Днепропетровск, 1983.
15. Величковский Б. М. Современная когнитивная психология. М., 1982. С. 185.
16. Шмелев А. Г. Введение в экспериментальную психосемантику. М., 1983.
17. Словарь русского языка. Т. I. М., 1981. С. 494.
18. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977. С. 175.
19. Телия В. Н. Типы языковых значений. М., 1981. С. 260.